

ПРОЗА

Вадим Арефьев
Пути-дороги

Вадим Арефьев родился в 1957 году в Пермском крае. Окончил Новосибирское высшее военно-политическое училище. Автор нескольких книг очерков. Член Союза писателей России.

ОТКРЫТКА

Редко я писал своей бабушке, очень редко. Поздравляя, может быть, с очередным Новым годом да Всемирным женским днём. И вот недавно, взяв по привычке четыре мартовские открытки, разложил их на столе и только тут понял, что одну из них отправить не придётся.

Долго я сидел над ней, вспоминая детские годы, и было мне одиноко и грустно.

Отец никогда не ездил к своей матери, скорее всего, потому, что рано оторвался от дома и воспитывался у дядёв и тёток, а мать его, потеряв в тридцатые первого мужа, вышла замуж вторично, и у неё была новая семья.

Я заканчивал второй класс и, узнав про своё детство, про то, что у меня где-то есть бабушка, так запросился к ней, что родители уступили и отправили меня со знакомыми, ехавшими в том же направлении.

Помню ночь, когда высадили меня из поезда на перрон, и тут же, среди огней, запаха железной дороги, среди вагонного скрипа и лязга, всевозможных теней и незнакомых лиц, услышал я хриплый, но мощный голос:

– Внука моего не видели?! Вадиком звать. Маленький он. В костюмчике синеньком. Ва-адик! Ва-адик!..

Это и была моя бабушка – толстая и шумная.

Помню утро следующего дня. Должно быть, совсем недавно открылись магазины, а бабушка уже вернулась домой с большой банкой сока, полной сеткой лимонада и бутылкой коньяка. А было мне тогда девять лет.

Помню застолье и маленькие свежие огурцы, которые бабушка незрелыми сорвала в парнике. На стуле я сидел важно и в тот день впервые поднял рюмку наравне со старшими.

Ночью того же дня долго я не мог заснуть, потому что думал о том, как пойду на обещанную мне новым дедушкой рыбалку, всё слушал, как стучат и стучат настенные ходики, и вдруг услышал в соседней комнате разговор:

– Ты что? Последние деньги издержала? На какие шиши будем месяц дожидать?

– Да ничего, как-нибудь. Внук ведь приехал, внук...

Вскоре я отгостился и уже не приезжал более.

Много раз приходилось позже бывать в гостях у разных людей, многим меня щедро угощали, но вот помнится отчего-то именно та застольная бесшабашность бабушки моей, и всё звучит её голос: «Да ничего, как-нибудь. Внук ведь приехал, внук». Давно не стало бабушки.

Но всякий раз, как случится ехать поездом – в отпуск ли, по делам ли служб, – ловлю себя на мысли, что ишу меж провожающих её лицо, ишу и не нахожу. А так хочется услышать её голос, посланный вдолгую тронувшемуся поезду:

– Привет им передавай! Отцу привет, матери привет! И приезжай, ведь жду я, жду... – И ещё что-то кричала она, но я уж не слышал, всё быстрее и всё дальше уносил меня от неё поезд – не догнать, не распылять. Не слышу и сейчас, только сижу и по-матриваю то в темень за окном, то на оставшуюся открытку.

Всё смотрю и смотрю...

РАЗЪЕЗД № 3

На этом полустанке наш поезд задержался лишь на миг, всего на несколько секунд, для того, должно быть, чтобы выгрузить почту. Именно тут из окна я увидел пятерых малышей – трёх мальчуганов и двух девчушек, которые грозили кулачками.

«Почему?» – спросил я себя. Ведь дети так любят махать проходящим поездам, а эти – грозят... Наверняка, они переиграли уже во все свои игры, и теперь единственным их развлечением было встречать редкие поезда и посылать безмолвный укор едущим пассажирам.

«Не обидел ли кто их? – подумал я. – А может быть, это плата за безразличие тех, кто проезжал здесь раньше?»

Мной вдруг овладела грусть оттого, что я никогда не узнаю, чьи это дети, кого и как долго они ещё будут ждать. Мне захотелось хоть чем-то порадовать их. Но что я мог для них сделать?

Поезд тем временем отпустил тормоза и легко тронулся, я прощально махнул ребятишкам, улыбулся и вдруг увидел, что детские кулачки разжались и затрепетали ладошками, провожая меня...

Кругом растилалася пасмурная степь с седым ковылём и предгорьями по горизонту. Капли дождя оставляли длинные росчерки на окнах вагона, я всё дальше уезжал от этих мест на новое

место службы. Но весь день, несмотря на обилие пейзажей, нет-нет да и вспоминались темноволосые головы казачат, что живут среди степи на сиротливой станции с простым и сухим названием «Разъезд № 3».

МИМОЛЁТНОЕ

А за окном тянулись холмистые степи, как море бескрайние, остро пахнущие польнью и чабрецом. Местами прошлись по ним пожары, оставив после себя траурно-чёрный наряд. Полосы кустарника бегут вдоль обочины, часто мелькая и сливаясь в сплошную тень.

Временами поезд замирает на полустанках, и я люблюсь, как клонит ветер деревья, расчёсывает их головы – шумно и волно. Проскакивают домишки – разноликие и пёстрые. Один запомнился. Покрашен он в голубой цвет. Кладка кирпичика и форма флигеля, крыша и ставни на окнах выдают его старость. Чья-то лампа горит за столом... Кто там живёт?

А горизонт резко чёрен и горбат, небо облегает его розовой каймой, но, оторвавшись, голубеет, синее и прямо над головой становится иссиня-чёрным, торжественным и звёздным. Гудящими рядами дорожного караула проносятся телеграфные столбы, и белые изоляторы на их поперечных балках похожи на дремлющих птиц.

Проходит полчаса, и становится совсем темно. Поезд скрипит тормозными колодками, замирает на каком-то полустанке со спящими товарняками... В вагоне тишина, изредка лишь раздаётся приглушённый смехок мальчишки, заведшего мимолётное знакомство, да девичий хохоток... И вновь колёса бьют мерный ритм, лёгкая дрожь гуляет внутри вагона, слышно: «Ту-ру-ду-дак, ту-ру-ду-дак». Временами пробегит колесо по рельсовым стыкам, пробьёт другим переходным ритмом.

В соседнем купе звучит лёгкая мелодия. Я встаю и иду в тамбур, где сажусь на откидную скамейку и чувствую, как поезд уносит меня всё дальше и дальше. И всё это, оставляемое мной в бескрайнем просторе степей, всё столь сложное, переплетённое судьбами живших, кочевавших здесь когда-то людей, всё это тревожит сердце.

...Всю ночь снится степной закат, снится, как торопится к горизонту солнце, уставшее за день, и земля делает резкий оборот, окрашивая себя ярким пламенем степного заката. Видятся полевые дороги – белые и разъезженные, не растающие травы.

Просыпаюсь на незнакомой станции. Торговки несут по вагону овощи и молоко. Но вот снова застучали колёса, вновь понеслись заоконные дали и вновь смотрю в окно. И счастлив этой дорогой – всё влекущей меня по стране, всё зовущей куда-то.

ПОЭЗИЯ

Галина Таланова
И вскрылась чёрная вода

Галина Таланова – автор семи книг стихов и четырёх прозы, родилась и живёт в Нижнем Новгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва» и других. Произведения были переведены на английский, шведский, итальянский, японский, французский, болгарский, польский и венгерский языки. Член Союза писателей России.

Плывут неспешно облака:
В них проступают лица милых.
Вот машет мамочки рука,
Зовёт туда, где воздух стылый.
Вот папа смотрит сквозь туман,
Как в детстве,

подхватить готовый,
Поднять к себе за тонкий стан,
Где свет увидишь –
лётся новый.
Бабуля, руки распахнув,
Как два крыла,
Зовёт в объятия
И будто подмывает путь
Из кос освобождённой прядью.
Вот дед спокойно

смотрит в даль,
Где полыхает шар заката,
Как будто впрямь ему не жаль
Ту жизнь, где были все не святые.
Всем видом будто говорит:
«Уйти не бойся в поднебесье.
Там всё отхлынет, отболит.
Там не родится в горле песня...»

К озорю устало прислонюсь.
Нет, не обнять.

Не хватит трёх обхватов.
До гиблой высоты не доберусь,
Что манит,
Пух с небес гоня куда-то...
Осядет весь,
намокнув под дождём,
Свалывшийся,
Как пакля, под забором.
Вот так и мы...
Всю жизнь полёта ждём,
Ползём наверх,
Всегда в крутую гору,
Холодный ливень
выстудит весь пыл.

И съжгется мечты,
Став грязной ватой.
И время, превращая
Всё, всё в пыль,
Летит, как пух
По-прежнему куцлатый.

Дыханье раскалённого железа.
Жара пришла
Внезапно и молчком.
И кровь свернулась
быстро от пореза

Осокой,
Что легла уже ничком.
Два месяца природу заливало.
И высока по-прежнему вода.
И берега почти что здесь не стало.
Лишь вдоль дороги рдеет лебеда,
Румянцем полыхает, будто в осень.
Так воздух густ, что клеится смолой.
И дятел в красной шапке
В чреве сосен,
Чья хвоя загорелась рыжей хной,
Выстучивает дробь печальной песни.

Замолкнет –
прыгнет рядом на сосну.
Что ищешь, доктор?
Не пройду болезни.
Не дерево готовится ко сну,
Что будет вечен.
Бросят в топку ветки...
Вон молодая поросль
на бугре...

И дым уже предчувствую
тот едкий.
И мысленно готовлюсь
к той поре,
Когда и я
Корявыми руками
Тянуться буду, глея, в высоту.
И выльчусь, думая, стихами
Про краткую земную красоту.

С востока гроза приближалась,
И ветер сердито подул.
Травинка к травинке
прижалась.
Деревья сгибаемых гул,
Треск веток,
обломленных ветром,
Да ропот страниц и листьев.
И молния чиркнула светом,
Двух радуг сжигая мосты. –
И сразу вокруг потемнело.
Край неба –
как траурный фон.
Покрылось мурашками тело.
Жизнь в серый окрасилась тон.
И ветер сухой и горячий,
Как будто нагретый песок,
Вдруг шляпку подкинул
как мячик,
Седой обнажая висок.
И воздуха всё не хватало,
И сердце рвалось из груди,
Костышками пальцев стучало
От страха,
что там впереди...
Весь воздух
клокочущим вздохом
Гроза затянула в себя. –
И словно ударило током,
Что солнце взойдёт без тебя.
И запад хрымым забудыгой
Моргнул красным глазом
мне вслед,
Подбитым, лиловым, двулико,
Последний выпуск
в жизнь свет.
Но чудо!
Гроза пролетела.
И сдвинуло солнце платок,
Дырявый,
с бахрамкою белой,
Похожий на старый венчик.

Мне больше нечего сказать:
Две разошедшиеся льдины.
И руку, если и подать –
То не изменит суть картины,
Где вскрылась чёрная вода,
Что пузырится бурой пеной
И нас разносит навсегда,
Просвет всё ширя постепенно.
Да. Так бывает...
Всё росло
В нас напряжение и зрело...
Тебя куда-то понесло,
Меня бессмысленно задело.
Теперь две льдины в тишине
Разносят резовою водою.
И коршун рыщет в вышине:
Не промелькнёт ли
в тьме живое?
Но только пенится река,
И льды идут своей дорогой.
И опускается рука.
...И остаёшься недотрогой.

Гляжу в туннель.
Уже у входа.
Там голубой небесный свет.
Осталось сколько до ухода
Туда, где вспять дороги нет?
И как заноза в сердце ноет...
Я чую кожей жёсткий дом.
Он пахнет деревом и хвоей.
Я упираюсь в двери лбом.
Там темнота.
И лишь отсюда,
Как свет мерцающей звезды,
Свет виден тот,
Что позабуду
Лишь у последней той черты.
.....
Координатор конкурса –
Владимир Пронский